

УДК 81'44:81'373.72

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/131/89>

ЗООКОМПОНЕНТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КЫРГЫЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

©*Деркембаева А. К.*, ORCID: 0009-0007-2184-6987, Международная высшая школа
медицины, г. Чолпон-Ата, Кыргызстан, derkembraeva@mail.ru

©*Абдыкеримова А. Э.*, ORCID: 0009-0005-3680-8348, SPIN-код: 5008-4527, д-р филол. наук,
Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова,
г. Каракол, Кыргызстан, aaida1973@mail.ru

ZOONYMIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE KYRGYZ AND RUSSIAN LANGUAGES: LINGUOCULTURAL AND COMPARATIVE ASPECTS

©*Derkembraeva A.*, ORCID: 0009-0007-2184-6987, International Higher School of Medicine,
Cholpon-Ata, Kyrgyzstan, derkembraeva@mail.ru

©*Abdykerimova A.*, ORCID: 0009-0005-3680-8348, SPIN-code: 5008-4527, Dr. habil., Issyk-Kul
University named after K. Tynystanov, Karakol, Kyrgyzstan, aaida1973@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено многоаспектному сопоставительному анализу зооморфного кода фразеологии в русском и кыргызском языках, представляющих полярные этнокультурные ландшафты — славянский оседло-земледельческий и тюркский кочевой (номадический). В фокусе внимания находится лингвистическая природа образной метафоризации, трансформирующей повадки и свойства представителей фауны в маркеры человеческих качеств, поведенческих моделей и ценностных ориентиров. На лексикографическом материале эксплицируется семантическая асимметрия фразеологизмов-зоонимов, обусловленная спецификой прагматического быта, историческим укладом и религиозно-философскими доминантами обоих этносов. В работе применялись сопоставительный метод, метод компонентного анализа семантики, лингвокультурологическое комментирование и когнитивно-дискурсивный анализ. Особый акцент сделан на выявлении ключевых когнитивных моделей («внешний вид», «характер и интеллект», «социальный статус») и аксиологической разметке фразеологического пространства. Исследование выявило существенные межязыковые различия в символике коня, овцы, верблюда и волка. В кыргызском языке концепты благородных животных обладают высокой положительной коннотацией, в то время как в русском языке преобладает прагматически-функциональная оценка. В результате исследования доказано, что национальный характер метафорических переносов определяется не столько биологической реальностью, сколько мифопоэтическим пластом, фольклорными традициями и историческим опытом природопользования, что позволяет говорить о зооморфном коде как о важнейшем трансляторе национальной идентичности. Полученные выводы могут быть использованы в преподавании сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии и двуязычной лексикографии.

Abstract. This study is dedicated to a multi-aspect comparative analysis of the zoomorphic code of phraseology in the Russian and Kyrgyz languages, which represent polar ethnocultural landscapes — the Slavic settled-agricultural and the Turkic nomadic. The focus of attention is on the linguistic nature of figurative metaphorization that transforms the habits and traits of fauna into markers of human qualities, behavioral models, and value orientations. Based on lexicographical material, the

semantic asymmetry of zoonymic phraseological units is explicated, determined by the specifics of pragmatic everyday life, historical lifestyle, and the religious-philosophical dominants of both ethnic groups. The study employed comparative analysis, component analysis of semantics, linguocultural commenting, and cognitive-discursive analysis. Particular emphasis is placed on identifying key cognitive models ("physical appearance", "character and intellect", "social status") and the axiological marking of the phraseological space. The research revealed significant cross-linguistic differences in the symbolism of the horse, sheep, camel, and wolf. In the Kyrgyz language, concepts of noble animals carry a high positive connotation, whereas in the Russian language, a pragmatic and functional evaluation prevails. As a result of the study, it is proven that the national character of metaphorical transfers is determined not so much by biological reality as by the mythopoetic layer, folklore traditions, and the historical experience of nature management, which allows us to speak of the zoomorphic code as a crucial transmitter of national identity. The findings can be applied in teaching comparative phraseology, linguoculturology, and bilingual lexicography.

Ключевые слова: лингвокультурология; сопоставительная фразеология; зооморфный код культуры; кыргызский язык; русский язык; номадическая культура; оседло-земледельческий быт, когнитивная метафора; аксиологическая оценка.

Keywords: linguoculture; comparative phraseology; zoomorphic code of culture; Kyrgyz language; Russian language; nomadic culture; settled-agricultural lifestyle; cognitive metaphor; axiological evaluation.

Окончательное утверждение антропоцентрического подхода в современном языкознании сместило фокус исследовательского внимания с изучения языка как закрытой имманентной системы на его осмысление в качестве важнейшего когнитивного механизма, объективирующего ментальные репрезентации человека и транслирующего этнокультурный опыт. В рамках данной исследовательской парадигмы особый эвристический потенциал приобретает фразеологический фонд языка, выступающий наиболее кумулятивной, образной и национально-специфичной частью лексико-семантической системы. Будучи «сгустками» культурных смыслов и своего рода микротекстами, фразеологические единицы (ФЕ) аккумулируют в себе не только бытовой опыт народа, но и его ценностные ориентиры, этические доминанты и специфику образного восприятия окружающей действительности [9].

Среди многообразия кодов культуры (соматического, пространственного, темпорального, вещного), структурирующих национальное сознание, зооморфный код признается исследователями одним из наиболее архаичных, семантически емких и продуктивных. Традиционно животный мир служил для человека первичным зеркалом самопознания: проецируя свойства, повадки и характеристики фауны на собственную телесную и ментальную природу, человек создал разветвленную систему зооморфных метафор. При этом данный перенос редко носит характер прямого биологического соответствия; гораздо чаще он опосредован мифологическими пластами, фольклором, особенностями прагматического быта и религиозно-философскими доминантами конкретного социума [4].

Несмотря на наличие многочисленных трудов, посвященных зооморфизмам в русле сопоставительной лингвистики, системное сопоставление фразеологического потенциала зооморфного кода в русском и кыргызском языках все еще нуждается в глубоком теоретико-методологическом переосмыслении. Лингвокультурологическое сопоставление этих языковых систем представляет особый теоретический интерес, поскольку они принадлежат к разным

языковым семьям (индоевропейской и тюркской) и отражают полярные по своей сути историко-культурные типы жизнедеятельности: оседло-земледельческий славянский уклад и кочевой (номадический) уклад кыргызов. Различия в географическом ландшафте, типах ведения хозяйства и базовых аксиологических доминантах, где для русского крестьянина определяющим был лесной и земледельческий быт, а для кыргызского кочевника — культ коня и концепция «төрт түлүк мал», предопределили глубокую асимметрию внутренней формы фразеологизмов-зоонимов в сопоставляемых лингвокультурах [3].

Объектом настоящего исследования выступают фразеологические единицы с зооморфным компонентом в русском и кыргызском языках, извлеченные из авторитетных лексикографических источников. Предметом анализа является национально-культурная специфика семантики, коннотаций и когнитивных моделей метафоризации, реализуемых данными единицами в сопоставляемых лингвокультурах.

Цель работы заключается в многоаспектном лингвокультурологическом и сравнительно-сопоставительном анализе зооморфного кода как инструмента концептуализации качеств человека в русской и кыргызской языковых картинах мира.

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области лингвокультурологии. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовской практике преподавания сопоставительной типологии, теории перевода, лингвокультурологии, а также при составлении двуязычных фразеологических словарей нового типа, ориентированных на экспликацию культурного компонента значения. Теоретическое осмысление функционирования зооморфной метафоры во фразеологических системах разноструктурных языков требует обращения к базовым постулатам лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В центре внимания современных исследователей находится феномен «культурного кода», под которым понимается сетка координат, позволяющая структурировать, категоризировать и оценивать окружающий мир на основе сложившихся в национальном сознании архетипов и ценностных шкал [4].

Среди прочих кодов (соматического, пространственного, вещного) зооморфный код выделяется своей древней мифологической основой. На ранних этапах этногенеза животные воспринимались не просто как элементы природного окружения, а как тотемные предки, сакральные покровители или экзистенциальные противники, что наложило неизгладимый отпечаток на семантическую структуру будущих фразеологических концептов. Как справедливо отмечает В. Н. Телия, язык не просто отражает реальность, он «навязывает своим носителям особое видение мира» [9].

Этот процесс навязывания образной сетки координат особенно наглядно проявляется во внутренней форме фразеологических единиц. Внутренняя форма — это тот «мотивационный след», дескриптивный образ, который послужил основой для переосмысления свободного словосочетания во фразеологизм. Например, биологические повадки животного под воздействием этнокультурных фильтров подвергаются процессу мифологизации или стереотипизации, в результате чего рождается устойчивое оценочное значение. Важно подчеркнуть, что один и тот же биологический вид в разных языковых картинах мира может мотивировать диаметрально противоположные коннотации. Так, если в русском сознании образ свиньи устойчиво ассоциируется с грязью и неблагодарностью (подложить свинью), то в ряде других культур это же животное выступает символом плодородия и семейного достатка. При сопоставительном анализе фразеосистем русского и кыргызского языков ключевое значение приобретает концепция экологического и прагматического детерминизма.

Характер номинации и коннотативный потенциал зоонимов напрямую зависят от исторического типа природопользования этноса. Традиционная славянская культура исторически укоренена в лесной и оседло-земледельческой среде обитания. Это предопределило преобладание во фразеологическом фонде русского языка образов лесных диких зверей (медведь, волк, лиса, заяц) и домашних животных, связанных с пахотным трудом и подворьем (лошадь, бык, корова, свинья, собака, курица). Русский крестьянский быт сформировал прагматическое отношение к животному как к тяжелому помощнику или источнику пропитания, что нашло отражение в таких единицах, как работать как лошадь, уставиться как баран на новые ворота, медвежья услуга [10].

Напротив, кыргызская лингвокультура сформировалась под влиянием номадического (кочевого) образа жизни в условиях горного и степного ландшафта Тянь-Шаня. Для кыргыза-кочевника скот («мал») являлся не просто экономическим ресурсом, а самой формой существования, мерилom жизненного успеха, эстетическим ориентиром и главным партнером в освоении пространства [3].

Особое место в картине мира кочевников занимает концепт «төрт түлүк мал» (четыре вида скота): овцы (кой); лошади (жылкы/ат); коровы (уй); верблюды (төө). в более поздний период добавились яки (кутур/сары уй). Кочевой быт требовал тончайшего понимания повадок этих животных, что привело к колоссальной детализации их номинаций в языке (по возрасту, масти, полу, назначению) и, как следствие, к чрезвычайно высокой плотности зооморфных метафор во фразеологии. Культ коня, сакрализация волка и особое отношение к верблюду сформировали уникальную кыргызскую фразеосистему, глубоко отличную от славянской. Таким образом, сравнительно-сопоставительное исследование зооморфного кода в русском и кыргызском языках позволяет не только выявить структурно-семантические параллели, но и реконструировать глубинные ментальные различия между оседлой и кочевой цивилизациями, запечатленные в зеркале языка. Эмпирический анализ фразеологического материала обнаруживает глубокую этнокультурную специфику семантики и коннотаций при сопоставлении конкретных зооморфных образов. Наиболее наглядно эта асимметрия проявляется при анализе образов домашних животных, составлявших основу жизнеобеспечения обоих народов, а также ключевых диких представителей фауны [11].

1. Образ коня (ат / жылкы). В обеих лингвокультурах данный образ занимает важнейшее место, однако векторы его метафоризации и ценностный статус существенно различаются. В русском языке образ лошади прочно ассоциируется с тяжелым, изнурительным, зачастую подневольным физическим трудом, терпением и покорностью судьбе. Внутренняя форма русских фразеологизмов отражает уклад крестьянина-пахаря: работать как лошадь, ломовая лошадь (о человеку, выполняющему непосильную работу), лошадиное здоровье (физическая выносливость, грубая сила), старый конь борозды не испортит (опыт, компенсирующий увядание сил). Конь воспринимается как функциональный помощник. В кыргызском языке отношение к коню (ат, жылкы) носит сакрально-эстетический характер. Номадическое сознание возвело коня в ранг духовного крыла мужчины («Ат — адамдын канаты» — букв. «Конь — крылья человека») [8].

Конь выступает эталоном красоты, верности, высокого социального статуса и ума. Например: Ат чабым (букв. «дистанция конного забега») — мера расстояния, отражающая пространственное кочевое мышление; Ат токуу (букв. «оседлать коня») — фразеологизм в значении «собираться в путь», символизирующий постоянную готовность к движению; Ат аябаган дос (букв. «друг, не жалеющий коня») — преданный, верный друг, готовый пожертвовать самым дорогим; жылкы мүнөз (букв. «с характером лошади») — благородный, чистый душой, чуткий человек. В отличие от русского языка, где лошадь часто ассоциируется

со сниженной, «черновой» работой, в кыргызском языке образ коня всегда окружен высоким ценностным ореолом.

2. Образ овцы и барана (кой / кочкор). В русском языке метафорическое поле образов овцы и барана имеет выраженную негативную оценку. Они выступают эталонами глупости, упрямства, безликости и неспособности к самостоятельному мышлению: уставиться как баран на новые ворота (глупое недоумение), заблудшая овца (человек, сбившийся с верного пути), паршивая овца во всем стаде (человек, портящий репутацию коллектива), согнать как стадо баранов. В кыргызской номадической картине мира овца (кой) — это символ кротости, мира, бесконфликтности, тишины и благополучия. Кочевой быт научил ценить мирный характер этого животного. Фразеологизм кой оозунан чөп албаган (букв. «не берущий травинки изо рта овцы») характеризует исключительно кроткого, безобидного, доброго и честного человека [11]. Сравнение с овцой в кыргызском сознании — это не оскорбление умственных способностей, а признание душевной мягкости и бесконфликтности.

3. Образ верблюда (төө). Верблюд представляет собой яркий пример этнокультурной лакунарности и специфической метафоризации. В русском языке образ верблюда перифериен и малопродуктивен. Он ассоциируется в основном с выносливостью или странным внешним видом. Фразеологизм доказывать, что ты не верблюд (оправдываться в очевидных вещах перед бюрократической системой) возник в советской культуре и носит сугубо ироничный характер. В кыргызской фразеологии верблюд (төө) — один из ключевых образов, символизирующий величие, силу, высокий рост, но также и неповоротливость или глупую самонадеянность. Кочевники перевозили на верблюдах юрты, поэтому животное ассоциировалось с надежностью: Төө басты кылуу (букв. «заставить верблюда лечь сверху») — подавить массой, авторитетом, силой; Төөдөн кулагандай (букв. «как будто упал с верблюда») — внезапно, некстати, ошарашенно; Төөнүн кулагына суу куйган куюндай (букв. «как лить воду в ухо верблуду») — говорить в пустоту, бесполезно доказывать что-то упрямому человеку; Төө десе бээ дейт (букв. «говоришь верблюд, а он отвечает — кобыла») — невпопад, полное отсутствие взаимопонимания между собеседниками [3].

4. Образ волка (бөрү / карышкыр / көк жал). Особый интерес представляет сопоставление образа волка в двух культурах, где сталкиваются славянский страх перед лесным хищником и тюркский культ степного зверя. В русском сознании волк — опасный враг, символ голода, одиночества, угрюмости и коварства. Крестьянский уклад заставлял видеть в нем угрозу скоту: волк в овечьей шкуре (лицемер), смотреть волком (угрюмо, враждебно), волка ноги кормят (необходимость двигаться ради пропитания), сколько волка ни корми, он все в лес смотрит (невозможность изменить дикую натуру). В кыргызской культуре волк (бөрү, карышкыр) — тотемное животное, ассоциирующееся с силой, отвагой, воинской доблестью, сплоченностью и выживаемостью. Особо почитаем образ серого волка (көк жал — букв. «синегривый волк»). Назвать мужчину «көк жал» в кыргызском языке означает сделать ему высочайший комплимент, признав его сильным духом, мужественным, мудрым лидером и бесстрашным воином. Фразеологизм бөрү тиштүү (букв. «с волчьими зубами») характеризует хваткого, стойкого и сильного человека [3].

Сопоставительное изучение фразеологизмов-зоонимов позволяет не только зафиксировать лексико-семантические различия, но и реконструировать глубинные когнитивные структуры, с помощью которых человек упорядочивает свои представления о мире. В основе функционирования зооморфного кода лежит универсальная метафорическая модель: «человек — это животное» [5].

В рамках этой модели абстрактные качества человеческой личности (интеллект, характер, социальный статус, внешность) получают наглядное, образное воплощение через

конкретные физиологические свойства фауны. Проведенный анализ позволяет выделить три доминирующие субмодели метафоризации, реализуемые в русском и кыргызском языках с различной степенью продуктивности. Когнитивная модель «Внешний вид и физические свойства человека». Данная модель базируется на визуальном сопоставлении анатомических особенностей животного и человека. При этом в сопоставляемых языках наблюдается выраженная асимметрия, обусловленная эстетическими идеалами этносов. В русском языке физические свойства часто категоризируются через образы домашних птиц или крупных лесных зверей: медвежья походка (неуклюжесть), гусиная кожа (озноб), шея как у лебедя (грация), воронье гнездо на голове (растрепанные волосы). В кыргызском языке эталоны красоты и физических качеств напрямую связаны с пастбищным бытом. Так, идеальная женская грация и походка описываются через образ молодой косули или породистой кобылицы: кийиктин чүрпөгүндөй (букв. «как детеныш дикой козы» — о хрупкой, нежной девушке), кунан кундуз (букв. «двухлетняя выдра» — о блестящих, густых черных волосах) [11].

Высокий и сильный мужчина концептуализируется через образы верблюда-самца (бура) или беркута (бүркүт): бүркүт кабак (букв. «орлиный взгляд / брови орла» — волевое, мужественное лицо).

Когнитивная модель «Интеллектуальные способности и особенности характера». Эта модель является наиболее продуктивной в обоих языках, однако шкала оценки одного и того же качества может существенно сдвигаться. Глупость / Ограниченность: Русский язык объективирует глупость через образы домашней птицы и мелкого скота: куриные мозги, глуп как сивый мерин, дурак дураком, а как баран [10].

В кыргызском языке глупость часто связывается со сниженным восприятием образа коровы или осла: уй мүнөз (букв. «коровий характер» — тупое упрямство, апатия), эшек мээ (букв. «ослиные мозги» — крайняя степень глупости) [3].

Трусость / Смелость: В русском языке эталоном трусости выступает заяц (заячья душа, труслив как заяц), в то время как в кыргызском сознании трусость чаще ассоциируется с шакалом (чөө) или лисой (түлкү). Смелость в русском языке когнитивизируется через образ льва (храбр как лев — заимствованная метафора) или орла, а в кыргызском — исключительно через образ волка (көк жал) или сокола (шумкар) [3].

Когнитивная модель «Социальные отношения и статус в обществе». Зооморфные метафоры служат мощным инструментом социальной стратификации и оценки поведения человека в коллективе. В русском языке социальное одиночество или маргинальность выражается через фразеологизмы волк-одиночка, белая ворона (непохожесть на других, вызывающая отторжение), как собака на сене (эгоизм). В кыргызском языке социальные связи концептуализируются через образ стада (отор, короо) или косяка лошадей (үйүр). Одиночество воспринимается кочевником как величайшая трагедия, поэтому фразеологизм үйүрүнөн адашкан кийиктей (букв. «как косуля, отбившаяся от стада») или үйүрүнөн чыккан аттай (букв. «как лошадь, изгнанная из косяка») несет в себе глубоко трагическую, сочувственную коннотацию [8].

Социальный лидер, авторитетный глава рода описывается метафорой залкар (великан) или айгыр (жеребец-вожак), удерживающий косяк вместе. Аксиологический (оценочный) вектор зооморфного кода в обоих языках демонстрирует явное преобладание негативной оценки над позитивной. Это объясняется общей антропоцентрической закономерностью: норма поведения в социуме принимается как нечто само собой разумеющееся и не требующее специальной образной номинации, в то время как отклонения от нормы (глупость, жадность, лень, трусость) вызывают острую реакцию и требуют яркого метафорического клеймения.

Однако ценностная глубина кыргызских зоонимов, связанных с благородными животными (конь, волк, сокол), показывает более высокий процент положительно оценочных фразеологизмов по сравнению со славянской традицией, где отношение к фауне было более прагматичным и приземленным.

Заключение

Проведенный сопоставительный и лингвокультурологический анализ зоокомпонентных фразеологизмов русского и кыргызского языков показал, что их семантика и образная основа тесно связаны с историко-культурным опытом носителей языков. Русская фразеология отражает особенности оседло-земледельческого уклада и прагматическое отношение к животным, тогда как кыргызская фразеосистему формировалась под влиянием кочевой культуры, в которой особое значение приобрели образы коня, верблюда и волка. Сопоставительное исследование выявило как универсальные, так и национально-специфические черты зооморфного кода. В обоих языках фразеологизмы основаны на когнитивной модели «человек — это животное», посредством которой характеристики животных переносятся на оценку внешности, интеллекта, поведения и социальных качеств человека. Вместе с тем обнаружена значительная семантическая асимметрия: одни и те же животные могут получать различные оценочные интерпретации в зависимости от культурных традиций народа. Особенно заметны различия в символике коня, овцы и верблюда, что свидетельствует о национальной специфике языковой картины мира. Полученные результаты подтверждают, что зоокомпонентные фразеологизмы являются важным носителем культурной памяти и этнических ценностей. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением языкового материала за счет других тюркских и славянских языков, а также с изучением функционирования данных единиц в современном медиадискурсе и художественной литературе.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
2. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. 135 с.
3. Дербишева З. К. Языковая картина мира кыргызов (через призму языка). Бишкек: КРСУ, 2013. 268 с.
4. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
5. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
7. Орузбаева Б. О. Лингвистическая терминология в кыргызском языке. Фрунзе: Илим, 1983. 144 с.
8. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. V: Наречие каракиргизов. СПб, 1885. 568 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.
11. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 976 с.

References:

1. Arutyunova, N. D. (1990). Metafora i diskurs. In Teoriya metafory, Moscow. 5-32. (in Russian).
2. Baskakov, N. A. (1981). Altajskaya sem'ya yazykov i ee izuchenie. Moscow. (in Russian).
3. Derbisheva, Z. K. (2013). Yazykovaya kartina mira kyrgyzov (cherez prizmu yazyka). Bishkek. (in Russian).
4. Kovshova, M. L. (2016). Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: Kody kul'tury. Moscow. (in Russian).
5. Lakoff, D., & Dzhonson, M. (2004). Metafory, kotorymi my zhivem. Moscow. (in Russian).
6. Maslova, V. A. (2001). Lingvokul'turologiya. Moscow. (in Russian).
7. Oruzbaeva, B. O. (1983). Lingvisticheskaya terminologiya v kyrgyzskom yazyke. Frunze. (in Russian).
8. Radlov, V. V. (1885). Obraztsy narodnoj literatury tyurkskikh plemen. T. V: Narechie karakirgizov. St. Petersburg. (in Russian).
9. Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. Moscow. (in Russian).
10. Shanskij, N. M. (1985). Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Moscow. (in Russian).
11. Yudakhin, K. K. (1965). Kirgizsko-russkij slovar'. Moscow. (in Russian).

Поступила в редакцию
10.08.2026 г.

Принята к публикации
23.08.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Деркембаева А. К., Абдыкеримова А. Э. Зоокомпонентные фразеологизмы в кыргызском и русском языках: лингвокультурологический и сопоставительный аспекты // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №10. С. 766-773. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/131/89>

Cite as (APA):

Derkembaeva, A., & Abdykerimova, A. (2026). Zoonymic Phraseological Units in the Kyrgyz and Russian Languages: Linguocultural and Comparative Aspects. *Bulletin of Science and Practice*, 12(10), 766-773. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/131/89>